

родилась, умирая

Дебора Войт спела свою первую Изольду

ИЛЬЯ КУХАРЕНКО

В венской Staatsoper состоялась премьера новой постановки «Тристана и Изольды» Вагнера, где свою первую Изольду спела знаменитая американская певица Дебора Войт, хорошо известная в России благодаря триумфальной победе на конкурсе Чайковского и концертам с Доминго на гергиевских фестивалях. За пультом стоял один из самых «вагнеровских» дирижеров молодого поколения — Кристиан Тилеманн.

Еще покойный сэр Джордж Шолти планировал записать «Тристана» с Деборой Войт, но не успел. Сама же певица когда-то говорила, что не станет торопиться с Изольдой, поскольку и через десять лет спрос на Изольду не превысит предложение. Но вот наконец состоялся долгожданный дебют — на премьере овация в честь ново-рожденной ирландской принцессы длилась целых двадцать три минуты.

Спектакль режиссера Гюнтера Кремера и сценографа Гисберта Джэкеала оказался из разряда компромиссов между старым и новым, но, как ни странно, при всей своей

очевидной вторичности скорее радовал глаз, нежели раздражал. Корабль из первого акта напоминал гигантский лайнер, оформленный в духе дальневосточного минимализма: мобильные панели, изящная геометрия черного и серого, две луны (фонаря?) за окнами. Изольда — пышнотелая блондинка с короткой стрижкой, в вечернем платье XIX века с длинным шифоновым шлейфом, но в матросской куртке, брошенной на голые плечи. Ее служанка Брангена в характерной французской шляпке «рупором» весьма напоминала Холли Хантер в фильме «Пианино».

На сцене стоял длинный стол. Лицом к зрителю сидела Изольда, а спиной — железные рыцарские доспехи, некогда принадлежавшие Изольдиному жениху Морольду, которого убил на поединке Тристан. Когда черный низкий потолок «каюты» вдруг открылся и сцену залил холодный галогеновый свет — стал очевиден театральный первоисточник, из которого постановщики позаимствовали добрую половину своих находок. Имя Роберта Уилсона вполне можно было бы указать в программке как соавтора.

Все равно это было красиво — история, конечно, ни про какое не про Средневековье, но и не о вечном. Постановщики сконцентрировались на конкретном любовном треугольнике: Вагнер, Матильда Везендонк и ее супруг Отто. История этой «запретной» любви, как известно, стала одним из главных побудительных мотивов к созданию «Тристана». Не хочу сказать, что Томаса Мозера (Тристана) или Дебору Войт специально гримировали под Вагнера с Матильдой, это было бы нелепо, но актерские взаимоотношения героев явно развивались по канонам классического романного адюльтера XIX столетия. Весьма убедительно Кремер поставил сцену подмены яда — Брангена успевала подменить питье лишь в одном из бокалов, а второй, несмотря на ярость своей госпожи, буквально сшибала со стола, бросившись черными шелками на ослепительно белую скатерть. Изольде ничего не осталось, кроме как выпить с Тристаном из одного бокала.

Вагнеровский факел, которым Изольда подает знаки Тристану, режиссер Гюнтер Кремер зажег в груди железного рыцаря

Второй акт со знаменитым любовным дуэтом и пронизанным горечью монологом обманутого короля был сделан еще эффектнее: Изольда ждала Тристана все в том же черном платье, но вместо куртки ее плечи прикрывала красная шаль. Рыцарские доспехи лежали на столе, а из железной груди вырывалось живое пламя, которое Изольда гасила, подавая знак Тристану. В момент просветленной кульминации сцену заливал красный свет, и сквозь стены минималистского интерьера как бы прорастали силуэты кипарисов. Тристан и Изольда трогательно держались за руки и пели.

Пели удивительно хорошо. Голос Деборы Войт не поражал звуковой мощью, но наполнял все уголки театра удивительно теплым и красивым звуком, который не превращался в крик даже в самых громких и «конфликтных» местах. Финальная Liebestod прозвучала столь проникновенно и трепетно, что заставила вспомнить о знаменитой записи с Маргарет Прайс под уп-

равлением Карлоса Кляйбера. Кстати, Смерть Изольды стала единственной удачей режиссера в третьем акте (видимо, «награбленного» у Боба Уилсона не хватило на всю оперу) — Изольда опять пела за столом, лицом к публике, но вместо доспехов Морольда спиной к зрителю по другую сторону стола сидел мертвый Тристан.

Томас Мозер в партии знаменитого рыцаря отлично продержался первые два акта, но в третьем заметно устал и то и дело срывался на крик. Зато король Марк в исполнении баса-ветерана Роберта Холла оказался на удивление хорош и растрогал своим монологом необычайно. Оказался достоин всяческих комплиментов и Кристиан Тилеман. Несмотря на то что Венские филармоники в этот вечер заметно грешили интонацией, Тилеман не только баловал оркестровыми красотоми, но и сумел зачаровать слушателя магией своей дирижерской власти. А разве не ради этого гипноза готов продать душу всякий истинный вагнерианец?

Еще в 1990-м, когда Дебора Войт пела Лизу из «Пиковой дамы» на третьем туре конкурса им. Чайковского, было ясно, что на сцене — примадонна